

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.32:331

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-109-124

**СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ
В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ****Романенко Вероника Валерьевна, Бородкина Ольга Ивановна**Санкт-Петербургский государственный университет*

Социально-экономическое развитие современной России во многом определяется миграционными процессами. Санкт-Петербург — один из крупнейших центров притяжения трудовых мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья. На фоне миграции в условиях турбулентного развития экономической и социальной сферы, неравномерного распределения благ и дефицита ресурсов возникают новые вызовы и риски для принимающего социума. Наличие рисков, а также их восприятие и оценка представителями общества лежат в основе развития социальной напряженности и могут повышать уровень конфликтности между различными группами населения. Целью исследования является определение и описание рисков для принимающего сообщества в контексте миграции в Петербурге. Анализ теоретических концепций социального риска и социальной напряженности позволил выявить наиболее актуальные и отвечающие цели исследования подходы, а также дополнить их с точки зрения процессов международной миграции и сформулировать авторское понимание оснований социальной напряженности. В статье представлена авторская концепция исследования социальных рисков международной миграции для принимающего сообщества, которая базируется на изучении субъективной оценки рисков представителями этого сообщества (в данном исследовании — общественное мнение жителей Петербурга), а также на анализе объективных характеристик рисков. Методы исследования — телефонный опрос (стандартизированное интервью), анализ данных государственной и ведомственной статистики, а также экспертные интервью. В ходе исследования были выделены и описаны основные социальные риски, которые, обретая новую окраску на фоне миграционных процессов, могут усиливать социальную напряженность в обществе. Эти риски требуют особого внимания и дальнейшей научной рефлексии при разработке программ миграционной политики Петербурга и при разработке мер снижения социальной напряженности в обществе в целом.

Ключевые слова: международная миграция, социальные риски, социальная напряженность, трудовые мигранты, принимающее сообщество, общественное мнение.

**SOCIAL TENSION AND SOCIAL RISKS IN THE CONTEXT
OF INTERNATIONAL LABOR MIGRATION***Veronika V. Romanenko, Olga I. Borodkina**Saint Petersburg State University*

The socio-economic development of modern Russia is largely determined by migration processes. St. Petersburg is one of the largest centers of attraction for labor migrants from near and far abroad. Because of migration in conditions of turbulent development of the economic and social spheres, unequal distribution of benefits and shortage of resources, new challenges and risks arise for the host society. The presence of risks, as well as their perception and assessment by members of the society, underlies the development of social tension and

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект №16-18-10092) в Санкт-Петербургском университете.

can increase the level of conflict between different groups of population. The aim of the study is to identify and describe risks for the host community in the context of migration in St. Petersburg. The analysis of theoretical concepts of social risk and social tension made it possible to identify approaches being the most relevant and meeting research goals and also to supplement them in terms of international migration processes and to formulate the authors' understanding of the grounds for social tension. The article presents the authors' concept of social risks due to international migration for the host community, which is based on the study of subjective risk assessment by members of this community (public opinion of St. Petersburg residents), as well as on the analysis of objective characteristics of risks. The research methods included telephone interviewing (standardized interview), analysis of the federal and departmental statistics, and expert opinions. The study identified and described the main social migration-related risks that can increase social tension. These risks require special attention and further scientific reflection while developing the migration policy of St. Petersburg as well as in elaborating measures to reduce social tensions in society as a whole.

Keywords: international migration, social risks, social tension, labor migrants, host community, public opinion.

Процессы глобализации и неравномерность экономического развития различных стран в XXI в. привели к усилению миграционных процессов во всем мире. Россия в ситуации международной миграции выполняет роль страны-реципиента для граждан из стран СНГ, а также ряда стран дальнего зарубежья (например, Китая, КНДР, Индии, Вьетнама). В этой связи возникают специфические социальные риски как для мигрантов, так и для принимающего сообщества, оценка которых требует социологического анализа.

Согласно «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» среди основных направлений государственной политики заявлено «содействие адаптации и интеграции мигрантов, формирование конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом» [Концепция...]. Безусловно, адаптация и последующая интеграция иностранного гражданина — это двусторонний процесс, в ходе которого индивид взаимодействует с новым для него сообществом, с его социальными институтами, социальными группами, включается в различные социальные поля, формальные и неформальные организации, общается с представителями принимающего социума. Во многом успех такого взаимодействия будет зависеть от социального и культурного капитала самого иностранного гражданина, его личных качеств, навыков и умений, его целей и стратегий интеграции — или отсутствия таковых, — но также в этом процессе нельзя умалять и роль самого принимающего сообщества. Поэтому вопрос о том, как жители России относятся к приезжим из стран зарубежья, является актуальным и регулярно обсуждается как в социологическом, так и в политологическом дискурсе.

Этот вопрос напрямую связан с оценкой социальной напряженности в обществе и с потенциальной возможностью возникновения конфликтов

на этнической и национальной почве, задача нейтрализации которых отражена в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [Стратегия...].

В 2016 г. наибольший приток иностранных мигрантов наблюдался в Центральном федеральном округе — туда прибыло 190 414 человек. Далее, в порядке убывания, следуют федеральные округа: Приволжский — 78 603 чел., Сибирский — 76 511, Южный — 69 951, Северо-Западный — 59 587, Уральский — 53 156, Дальневосточный — 35 223, Северо-Кавказский — 11 713 чел. [Общие итоги...]. В Санкт-Петербурге в обозначенном году зарегистрировано по месту проживания или длительного пребывания 22 391 иностранный гражданин [Общие итоги...]. Помимо этого на долю Северной столицы в 2016 г. приходилось 12 % (192 801 чел.) всех иностранных работников в России, имеющих разрешение на работу или патент для осуществления трудовой деятельности [Социально-экономическое...]. В целом по данным МВД в 2016 г. с целью работы в Петербург и Ленинградскую область прибыло 446 906 граждан из-за рубежа [Статистические...].

Теоретические предпосылки исследования

Важнейшую роль в изучении социальных рисков международной миграции играет социологическая теория риска, формирование которой можно отнести к концу 60-х – началу 70-х гг. XX в., а ее развитие связывают в первую очередь с именами Н. Лумана, У. Бека, Э. Гидденса.

В концепции Н. Лумана в современном обществе риск приобретает статус универсальной проблемы, так как следствием повышения уровня неопределенности во всех социальных сферах, что свойственно современному обществу, и является состояние риска; следовательно, не существует поведения, свободного от риска [Luhmann N.,

1993]. Согласно Э. Гидденсу, практически не осталось природных зон вне человеческого вмешательства [Giddens A., Pierson C., 1998, p. 207], а современный мир — это мир институционализированных сред рисков, которые влияют на состояние людей.

Согласно теории риска У. Бека, общество постоянно во всех сферах жизнедеятельности легитимно продуцирует риски, которые он понимает как «систематический способ иметь дело с катастрофами и небезопасностью, вызванных и привнесенных самой модернизацией» [Beck U., 1992, p. 21]. Существенным отличием рисков современного общества является их новое качество или, говоря словами У. Бека, «социальная архитектура и политическая динамика». Современные риски, к которым можно отнести и риски международной миграции, не знают границы национальных государств; границы для рисков прозрачны, проницаемы, преодолимы. Риски угрожают основным принципам рыночного хозяйства, поскольку систематически обесценивают произведенное богатство, подрывают основы рационального поведения общества и индивида, меняют базовую ценностно-нормативную систему, заменяя «справедливость» на «безопасность». Возможность снижения риска и предупреждения негативных последствий Бек связывает с так называемой социальной рефлексивностью, «в процессе рефлексивной модернизации радикально меняются общественные рамочные условия: онаучивание рисков модернизации ликвидирует их латентность» [Бек У., 2000, с. 234].

В отечественной социологической науке теории риска в последние годы уделяется все больше внимания. И в этой связи следует отметить работы О.Н. Яницкого, В.И. Зубкова, А.В. Мозговой, В.Н. Кузнецова, Н.Л. Смакотиной, А.П. Альгина. Однако исследований, посвященных социологическому анализу социальных рисков международной миграции, явно недостаточно. Авторы придерживаются точки зрения, что анализ социальных рисков международной миграции должен занимать одно из ведущих мест в предметной области социологии риска, и, более того, эта проблема может стать самостоятельным направлением рискологических теорий.

На наш взгляд, риски миграционных процессов в России до сих пор не получили всестороннего осмысления, что усиливает рискогенный характер общества в целом [Яницкий О.Н., 1997]. Появление новых очагов военных конфликтов, ослабление экономики ряда стран, граничащих с

Российской Федерацией, относительная открытость границ, потребность российской экономики в иностранной рабочей силе обуславливают увеличение миграционных потоков в Россию. Возникает потребность в конкретизации и оценке рисков не только для мигрантов, но и для принимающего населения. На этом этапе рефлексии мы сталкиваемся с проблемой конструирования рисков в качестве социальных фактов. Обобщая подходы к изучению рисков, О. Яницкий выделяет два основных. Согласно первому — риск есть объективно существующая опасность, которая всегда опосредуется «социальными и культурными стереотипами и процессами» [Яницкий О.Н., 2003, с. 4]. Исследователи, работающие в рамках второго подхода, делают акцент на том, что риск как таковой не является объективным феноменом, «есть лишь восприятие риска, которое всегда будет продуктом исторически, политически и социально обусловленного взгляда на мир» [Яницкий О.Н., 2003, с. 4].

Безусловно, в процессе идентификации риска важную роль играет социокультурный фон: система социальных и политических институтов, ценностных ориентаций и устоявшихся практик, норм, убеждений, взглядов и т.д. В теории риска акцент делается на том, что в эпоху глобализации сложные системы становятся более открытыми для рисков, а риски — разнообразнее, в результате чего ни одному обществу не удастся избежать новых экономических и социальных вызовов. Социальный риск для принимающего мигрантов сообщества существует хотя бы как риск для социальной системы утратить свое прежнее состояние. Но не всегда дестабилизация социальной системы имеет только негативные последствия. Однако важно выявить и нейтрализовать те риски, которые могут привести к нерегулируемому институциональными средствами социальному конфликту.

Социальный факт, воспринимающийся в обществе как риск, способен повысить социальную напряженность, независимо от того, являются ли риски объективно существующими угрозами целостности общества и благополучия его субъектов или воспринимаются таковыми в силу культурных и социальных стереотипов.

Социальная напряженность чаще всего проявляется в периоды дестабилизации общества или отдельных его структур, что может происходить на фоне возникновения новых глобальных вызовов. Э. Дюркгейму принадлежит идея аномии, предшествующая введению понятия «социальная напряженность». Это идея о таком состоянии об-

щества, которое характеризуется деградацией системы ценностей и дезорганизацией социальной структуры [Дюркгейм Э., 1994]. Суть теории заключается в том, что в периоды общественных перемен люди испытывают затруднения в согласовании своих поступков с общественными нормами, поскольку последние становятся ослабленными, противоречивыми, несформированными. Р. Мертон несколько расширил дюркгеймовские понятия социальной аномии. Согласно его концепции, каждое общество ставит определенные цели и разрабатывает так называемые социально одобряемые средства достижения их, но доступ к этим средствам не одинаков для всех (например, хорошее образование как средство для достижения цели материального благополучия доступно не всем людям). Возникает противоречие, вследствие которого некоторые индивиды стремятся достигнуть одобряемой в обществе цели, прибегая к неодобряемым средствам. Таким образом, аномия есть следствие реорганизации социальной структуры или каких-либо перемен внутри нее и/или результат несоответствия ценностей и возможностей людей для их достижения [Мертон Р., 1966, с. 301].

Т. Парсонс оперирует понятиями «напряжение» и «конфликт», говоря о том, что первое предшествует второму, чтобы описать дисбаланс в социальной системе, возникший между двумя и более ее компонентами при реализации социального действия [Parsons T., 1937]. Теорию социального конфликта как следствия дисбаланса между интересами классов и неравномерности доступа к ресурсам развивают в своих трудах К. Маркс и Ф. Энгельс, отмечая, что напряженность неизбежна в обществах с такой же структурой, как у капиталистического общества.

Л. Козер, в отличие от своих предшественников, видит в социальной напряженности не только отрицательные последствия для развития общества; последующая разрядка — социальный конфликт — является естественным продуктом внутренних изменений в обществе и выполняет в том числе и конструктивные функции (в случае его контролируемости может являться «двигателем» развития социальной системы) [Козер Л., 2000]. По мнению этого автора, у разных социальных групп всегда будут различия в интересах; в реальном обществе невозможно достичь справедливого распределения власти, материальных благ, престижа и т.д., а значит, социальная напряженность — явление неизбежное и нормальное.

Понимание конфликта как естественного и неизбежного феномена современного общества (и даже — природы) также отражено в работах Р. Дарендорфа и К. Боулдинга. По Дарендорфу, предпосылкой конфликта является не только и не столько его экономическая составляющая, сколько политическая. Неравное распределение власти между представителями общественных групп или в конкретной социальной группе влечет за собой и неравное распределение прочих благ [Дарендорф Р., 1994]. Усиление противоречий, которое может произойти на фоне явной диспропорции власти и отсутствия каналов ее перераспределения, ведет к повышению социальной напряженности и развитию конфликта.

Согласно Дж. Бертоу, Р. Дж. Фишеру и другим исследователям вопроса, базирующимся на теории человеческих потребностей А. Маслоу, К. Ледерера и др., социальный конфликт вызван ущемлением человеческих потребностей. П. Сорокин также говорил о социальной напряженности как о результате подавления инстинктов и потребностей большого количества людей, представляющих отдельные социальные группы, в связи с чем в задачу государственного управления должно входить отслеживание уровня удовлетворенности всех слоев населения и регуляции социального неравенства [Здравомыслов А.Г., 1996, с. 80].

Современные отечественные социологи, разрабатывающие проблематику социальной напряженности, базируются на выше обозначенных концепциях, дополняя и интерпретируя их. А. Здравомыслов существенное внимание уделяет таким составляющим конфликта, как противостояние различных потребностей, интересов и ценностей конкретных субъектов социального действия и отношениям неравенства в обществе [Здравомыслов А.Г., 1993, с. 12]. А. Дмитриев обращает внимание на проблему ценностей в общественных отношениях, которые в переходный период должны обеспечивать целостность общества и снижать уровень социальной напряженности [Дмитриев А.В., 1992, с. 5]. Согласно исследованиям О.В. Рукавишникова, развитие социальной напряженности в обществе в существенной степени зависит от динамики ожиданий граждан и возможностей их удовлетворения в создавшихся условиях [Рукавишников О.В., 1993, с. 37–38].

Общество, переживая переходные периоды, оказывается в ситуации аномии, что может выражаться как в усилении существующих неравенств, так и в появлении новых, в изменении или размы-

тии ценностных ориентиров, в неравном доступе для различных социальных групп не только к благам и ресурсам общества, но и к социально одобряемым средствам достижения этих благ.

В случае, когда представители социума испытывают регулярную депривацию, происходит рост социальной напряженности. Это означает, что напряженность вызвана не только объективными факторами (перестройкой социальной системы), но и субъективной оценкой этих факторов и перспектив развития ситуации. Социальная напряженность — характеристика групп населения, которую связывают, с одной стороны, с социальной ситуацией или с набором ситуаций, с состоянием социальной системы в целом либо отдельных ее фрагментов, а с другой стороны, с ощущениями людей, проявляющимися в индивидуальной психике как недовольство чем-либо [Бородкин Ф.М., Володина Н.П., 1997, с. 107]. Социальная напряженность может проявляться в росте недоверия к властям, в негативных общественно-политических настроениях, конфликтности в обществе, в компенсаторных реакциях (агрессии, поиске врагов) [Котов Д.А., 2013, с. 218; Рукавишников О.В., 1993, с. 38; Дементьева И.Н., 2015, с. 113].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что социальная напряженность в социологической традиции может рассматриваться и как отдельный феномен, и как одна из характеристик групповой динамики. Некоторые исследователи рассматривают социальную напряженность как показатель адаптации, а чаще — «дезадаптации различных категорий населения к хронической фрустрации, трудностям (понижению уровня жизни и социальным изменениям)» [Котов Д.А., 2013, с. 214]. Как отечественные, так и зарубежные исследователи склонны чаще всего объяснять социальную напряженность неудовлетворенностью потребностей индивидов и/или несоответствием их ожиданий и реальным возможностям.

Таким образом, индикаторами социальной напряженности могут быть как объективные факторы (уровень жизни населения, разрыв между доходами элиты и других слоев, количество людей, живущих за порогом бедности, количество протестных акций, актов агрессии и конфликтов между представителями различных общностей и т.д.), так и субъективные (доверие к власти, оценка собственной удовлетворенности жизнью, отношение к рискам и ощущение собственной безопасности, личные ожидания и оценка перспектив и т.д.).

Методология и методы исследования

На наш взгляд, социальная напряженность может возникать не только при отсутствии реальной возможности определенным группам, слоям или общностям реализовать потребности, но и при наличии потенциальных рисков для их интересов, может проявляться в комплексе субъективных оценок и объективных факторов. Такими факторами могут быть как реальные социальные риски, так и потенциальные, которые могут осознаваться населением как помехи для стабильности благополучной жизни. Согласно одному из наиболее близкому авторам по методологии исследования определению к социальным рискам относят «риски, обусловленные изменением качества трудовых ресурсов, профессиональной мобильности, социальной лояльности, характером национальных, религиозных и трудовых конфликтов, уровнем и структурой потребления, психологического отношения к рискам» [Терский М.В., 2000].

Авторская концепция социальных рисков принимающего мигрантов сообщества базируется на изучении субъективной оценки рисков представителями этого сообщества (в данном исследовании — общественное мнение жителей Петербурга), а также на анализе объективных характеристик рисков (статистических данных ведомственных учреждений, экспертных интервью специалистов, работающих с мигрантами).

В рамках исследования социальных рисков для принимающего мигрантов сообщества в мае 2016 г. был проведен телефонный опрос¹ методом стандартизированного интервью; для интервью использовались случайно отобранные городские номера в жилом фонде Петербурга. Респонденты — лица от 18 лет и старше, проживающие в 18 районах города. Респондентам предлагалось поделиться своим опытом взаимодействия с мигрантами и высказать свое мнение относительно причин, положительных и отрицательных последствий миграции иностранных граждан в Петербург в рамках предложенных закрытых и открытых вопросов. В опросе приняло участие 1017 человек; 43 % из них — мужчины, 57 % — женщины; доля респондентов от 18 до 29 лет — 21,2 %, от 30 до 39 лет — 16,8 %, от 40 до 49 лет — 19,9 %, от 50 до 59 лет — 17,2 %, от 60 лет и старше — 24,9 %. Начальное и неполное среднее образование имеют 1,8% респондентов, среднее полное — 9,9 %, начальное профессиональное —

¹ Опрос был проведен ресурсным центром «Центр социологических и Интернет-исследований» СПбГУ.

7 %, среднее профессиональное — 24,2 %, неполное высшее — 6,7 %, высшее — 50,4 %.

Помимо опроса использовались метод анализа данных государственной и ведомственной статистики, а также метод экспертных интервью. Экспертами выступили руководители и специалисты организаций, работающих с международными мигрантами:

- общественной благотворительной организации «Санкт-Петербургский центр международного сотрудничества Красного Креста»;
- Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения «Городской информационно-методический центр “Семья”»;
- региональной общественной организации «Дети Петербурга»;
- Санкт-Петербургской благотворительной католической общественной организации «Мальтийская служба помощи»;
- благотворительного фонда поддержки и развития просветительских и социальных проектов «ПСП-фонд»;
- региональной общественной организации «Молодежное объединение студентов Таджикистана».

Результаты исследования

Личный опыт взаимодействия петербуржцев с мигрантами

На вопрос «*Есть ли у Вас соседи — мигранты? Знакомы ли Вы или члены вашей семьи с ними?*» дали ответ 1016 респондентов. Более половины — 53,2 % респондентов — признались, что точно не имеют соседей-мигрантов. 5,8 % предположили, что, возможно, мигранты живут поблизости (в большом доме, поселке, садоводстве), но они не знают этого наверняка. 20,4 % ответили, что такие соседи есть, но они не знакомы. 18,9 % имеют таких соседей и знакомы с ними; затруднились или не захотели ответить на вопрос 1,7 % (см. рис. 1).

Респондентам, имеющим опыт соседства с мигрантами (398 чел.), было предложено оценить их по сравнению с другими соседями. Большинство респондентов (216 чел., или 54,3 %) оценивает мигрантов как обычных, «среднестатистических» соседей; примерно одинаковое количество респондентов считает, что они — одни из лучших соседей (55 чел., или 13,8 %); мигранты — не очень хорошие соседи (52 чел., или 13,1 %); 5 % признало мигрантов одними из самых плохих со-

седей (20 чел.), а 2,8 % (11 чел.) считают мигрантов одними из самых лучших соседей; 11,1 % (44 чел.) не ответили на этот вопрос.

65 человек пояснили, что именно им нравится в своих соседях-мигрантах. Наиболее часто в высказываниях респондентов присутствовали такие характеристики, как доброжелательность, вежливость и дружелюбие (сюда же отнесены высказывания «здороваются», «уважают старших», «приветливые»), доброта и отзывчивость (к этой категории отнесены высказывания «всегда помогут», «гостеприимные», «добрые», «угощают гостинцами» и т.д.), аккуратность и чистоплотность, отсутствие вредных привычек и соблюдение норм соседского общежития («не шумят», «все прилично», «не водят компании», «не пьют», «тихие» и т.д.), эрудированность и интеллигентность (встречается в высказываниях о людях с хорошим образованием).

71 человек пояснили, что именно им не нравится в своих соседях-мигрантах, обычно один ответ содержал сразу несколько причин неприязни. Чаще всего встречались высказывания относительно нарушения норм соседского общежития (23 высказывания): «шумные», «мусорят», «жарят шашлык во дворе», «готовят плов на балконе», «ломают двери», сюда же отнесены ответы, связанные со скученностью проживающих на одной жилплощади мигрантов. В связи с этим респонденты часто отмечали ухудшение санитарной обстановки в доме («разводят антисанитарию», «разводят грязь и насекомых», «из-за них проблема с тараканами», «клопы» и т.д.). Чуть реже встречаются такие оценки, как «неподобающее поведение», т.е. хамство, агрессивность, домогательства (17 высказываний); несколько раз упоминалось пренебрежение к русским, к русской культуре, незнание языка, иная вера (13 высказываний).

Таким образом, только пятая часть респондентов имеет соседей-мигрантов, с которыми они знакомы лично, и больше половины из них оценивает своих соседей как «обычных». Наиболее напряженные моменты в отношениях с соседями — иностранными гражданами возникают в ситуациях, когда последние нарушают нормы общежития (шумят и мусорят), при этом одна из основных проблем — в проживании в квартирах большого количества мигрантов. В таких случаях местные жители чувствуют себя не в безопасности, к тому же очень часто такое проживание, по мнению горожан, ведет к нарушению санитарных норм.

На вопрос о том, *разговаривали ли респонденты с мигрантами за последнюю неделю*, ответило

1015 человек. Большинство опрошенных — 51,6 % — утверждают, что точно ни разу не говорили с мигрантами за это время; 3,1 % респондентов не уверены («может и говорил, но не обратил внимания»); 27,4 % разговаривали, отмечают, что

разговор был очень дружелюбный, мирный. Разговаривали и считают, что разговор был скорее мирный, 14,5 % всех ответивших на вопрос; 1,8 % думают, что разговор был скорее конфликтный (см. рис. 2).

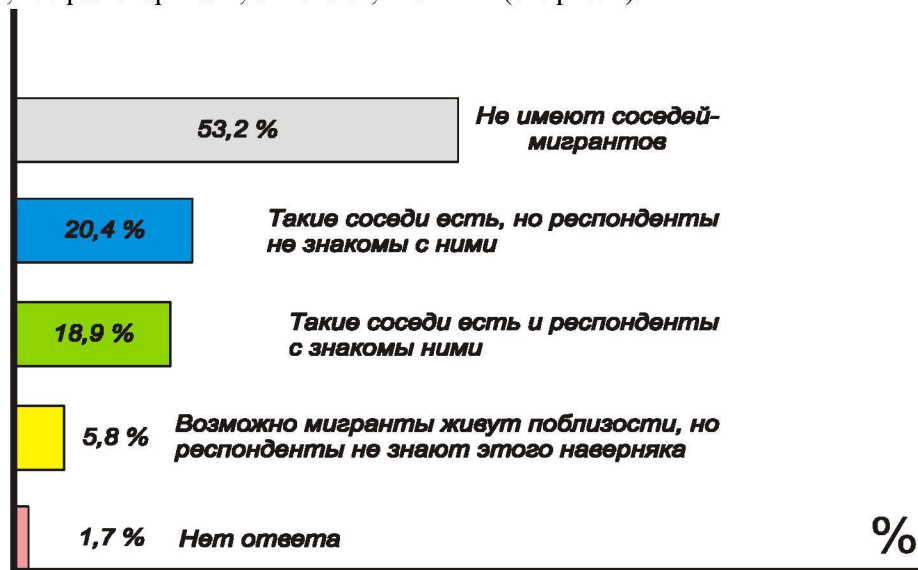

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Есть ли у Вас соседи — мигранты? Знакомы ли Вы или члены вашей семьи с ними?» (% от числа ответивших, N = 1016)

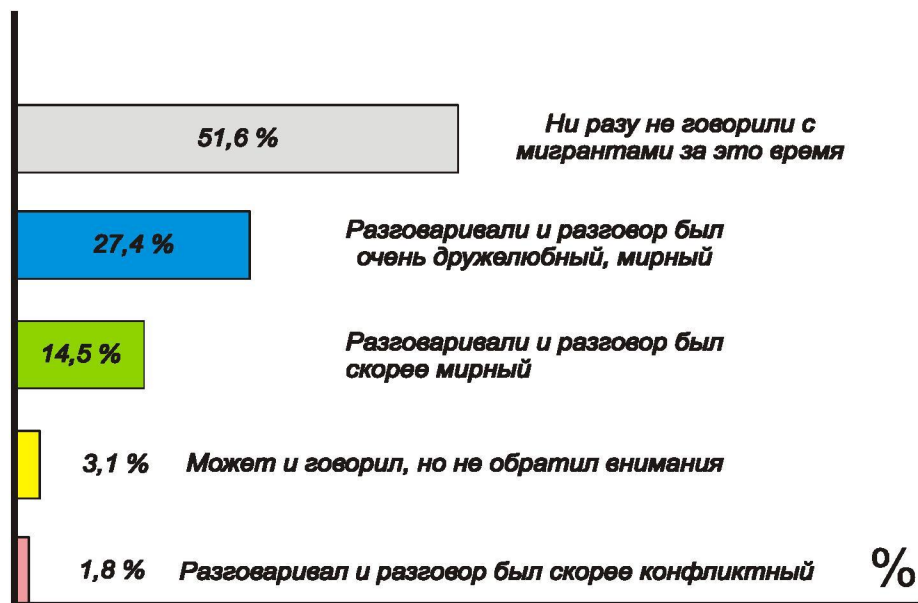

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Разговаривали ли Вы с мигрантами за последнюю неделю?» (% от числа ответивших, N = 1015)

Респонденты (21 чел.) уточнили, в чем именно, по их мнению, выражался конфликт в разговоре. Ситуации, которые респонденты назвали конфликтными, носят в основном бытовой или рабочий характер (конфликт между работником-мигрантом и нанимателем, ссора между соседями, дорожно-транспортное происшествие, перепалка

в транспорте и т.д.). Большинство высказываний содержали такие фразы: «не хотят выполнять свою работу», «не знают язык», «ведут себя похамски», «грубили», «громко разговаривал», «плохое поведение» и т.д.

Большинство респондентов взаимодействуют с мигрантами нечасто. Можно сделать вывод, что

в повседневном общении между жителями Петербурга и мигрантами конфликты возникали на бытовой почве в таких ситуациях, в которых они могли бы возникнуть и между коренными петербуржцами. Однако ситуация усугубляется незнанием мигрантами русского языка, а также (по мнению респондентов) вызывающим поведением приезжих.

439 мужчин ответили на вопрос «Случалось ли лично Вам когда-либо участвовать в драках с мигрантами или других конфликтах с ними с применением насилия или угрозы насилия?». Из них 80,2 % ответили, что нет; 18,5 % (81 чел.), что да; 1,3 % не дали ответа на вопрос. Среди положительно ответивших на этот вопрос наибольшая доля (30 чел.) относятся к возрастной категории 18–29 лет; 15 — к категории 30–39 лет; 20 — 40–49 лет; 50–59 лет — 9 чел., старше 60 лет — 7 чел.

Большинство респондентов практически не общалось и не конфликтовало с мигрантами за неделю, предшествующую опросу (N = 1015 чел.). Однако на вопрос о личном участии в драках и конфликтах с применением или угрозой насилия положительно ответили почти 20 % всех опрошенных мужчин.

Отношение петербуржцев к мигрантам

В рамках опроса респондентам также было предложено оценить проблемы, которые чаще всего обсуждаются в связи с присутствием мигрантов в России. Всего на вопрос ответило 1017 человек.

С тем, что «мигранты отнимают у петербуржцев рабочие места», согласились 61,2 % респондентов, не согласились 36,2 %, не дали четкого ответа на вопрос 2,6 %. С тем, что «среди мигрантов уровень преступности выше, чем среди других групп населения», согласились 50,7 % опрошенных, не согласились 26,2 % (23,1 % не смогли дать ответ на этот вопрос). Также 64,3 % опрошенных жителей Петербурга согласны с утверждением, что «качество товаров и услуг снижается из-за низкой квалификации мигрантов», 20,5 % респондентов не согласились с этим, 5,2 % не ответили на вопрос.

Практически все респонденты (86,8 %) согласились с утверждением, что «некоторые мигранты ведут себя вызывающе, пренебрегают принятыми нормами поведения и морали» (при этом из них 65,3 % полностью согласны и 21,5 % — скорее согласны), не согласились с этим утверждением всего 9,8 % респондентов, 3,4 % не смогли дать ответ на этот вопрос.

Очень многие респонденты (78,2 %) соглашались с тем, что «мигранты распространяют опасные инфекции, живут в антисанитарных условиях» (48,4 % полностью согласны с данным утверждением, 29,8 % склонны соглашаться с этим вариантом). Несогласных среди респондентов 11,9 %; 9,9 % не сформулировали ответ на этот вопрос.

59,5 % опрошенных согласны с тем, что «имеются со стороны мигрантов случаи сексуальных домогательств и изнасилований» (34,7 % полностью согласны, 24,87 % скорее согласны), 16 % не согласились с этим мнением, 26,5 % не смогли дать свой ответ на этот вопрос.

В целом, респонденты склонны соглашаться с тем, что мигранты (в порядке убывания частот по каждому вопросу) ведут себя вызывающе, распространяют инфекции, понижают качество товаров и услуг, отнимают рабочие места у коренного населения, чаще других совершают преступления.

251 человек, или 25 % опрошенных, выразили свое мнение в графе «Другой вариант ответа» относительно выше названного вопроса: «Проблемы, которые чаще всего обсуждаются в связи с присутствием мигрантов в России?». Чаще всего один респондент перечислял сразу несколько проблем, соответственно в одном ответе могли содержаться сразу несколько указаний на различные факторы риска.

Наиболее часто встречались высказывания (частота 150), которые условно можно объединить как *культурологические риски*. Среди проблем, связанных с нахождением мигрантов в городе, наиболее часто называется их нежелание адаптироваться, следование своим культурным обычаям, игнорирование российских законов и традиций, неуважение к жителям города. Незнание русского языка как проблема чаще всего встречалась именно в этой связи. Также многие респонденты указывали на процесс исламизации города и попытки насаждения чужой религии. Таким образом, наиболее значимыми для жителей Петербурга оказались *риски, связанные с культурными различиями*.

Частично к культурологическим рискам можно отнести и *риск экспансии*. Достаточное количество жителей Петербурга было обеспокоено не просто проблемами коммуникации с мигрантами, их приверженности к другой религии и другим стилям жизни, но и количеством представителей чуждой культуры. В 39 высказываниях были опасения относительно перспектив «стирания» родной куль-

туры и в целом русских как нации, «выживания» россиян из города, возникновении анклавов.

Еще 28 высказываний касались *риска деградации социальной сферы*, сокращения мест для петербургских детей в детских дошкольных учреждениях из-за большого количества детей мигрантов, увеличения нагрузки на медицинские и социальные учреждения и т.д. Отдельной графой можно выделить «детский вопрос»: респонденты отметили снижение качества образования из-за наличия в классах детей, не знающих русский язык и в целом демонстрирующих плохую успеваемость по школьным дисциплинам, также отмечалась неадаптированность этих детей и случаи конфликтов. Некоторых респондентов страшит, что петербургские дети будут копировать поведение детей-мигрантов с другой культурой. Однако опасения по поводу нехватки места в детских садах волновал респондентов чаще, чем другие «детские» проблемы.

Большое количество оценок респондентов связаны с ощущениями тревожности и *рисками безопасности* (51 высказывание в рамках открытого вопроса о проблемах, с которыми связывают миграцию). Отметим, что здесь речь идет как о проявлении хамства, агрессии, грубости, «неправильного» отношения к женщинам, так и о преступных деяниях (распространение наркотиков, терроризм, грабежи, воровство, драки и т.д.).

Для оценки *риска повышения уровня преступности* обратимся к данным официальной статистики. Согласно данным Генеральной прокуратуры РФ [Портал...] в рейтинге общего количества зарегистрированных преступлений Ленинградская область в 2016 г. занимала 43-е место по России (35-е — в 2013, 38-е — 2014, 42-е — 2015), а Петербург — 10-е место (10-е — в 2013, 7-е — 2014, 11-е — 2015). Согласно рейтингу по показателю «Количество зарегистрированных преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства» Ленинградская область в 2016 г. занимала 23-е место среди прочих субъектов РФ, в 2015 — 28-е место, в 2014 — 24-е, в 2013 — 19-е место. По этому же показателю Санкт-Петербург занимал в 2016 г. 3-е место, в 2015 — 4-е, в 2014 — 6-е, в 2013 — 3-е место. По показателю «Количество зарегистрированных преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства» Ленинградская область в 2016 г. среди прочих субъектов РФ занимала 19-е место, в 2015 — 18-е, в 2014 — 17-е, в 2013 — 8-е место. Санкт-Петербург по этому показателю занимал в 2013–

2016 гг. 3-е место. Это говорит о том, что в 2016 г. в Петербурге сложилась относительно небезопасная обстановка, связанная с преступностью как среди иностранных мигрантов, так и с преступлениями в их отношении.

Если подсчитать удельный вес количества выявленных иностранных граждан и лиц без гражданства по отношению ко всем выявленным лицам, совершившим преступления, то в Санкт-Петербурге этот показатель будет много выше, чем в среднем по Северо-Западному ФО (около 5 % на протяжении 2013–2016 гг.) и России (около 4 %): в Санкт-Петербурге эта доля в 2013 г. составляет 10 %, в 2014 — 12 %, в 2015 — 14 %, в 2016 — 13 %. Следует отметить, что этот подсчет выполнен нами весьма в условном приближении, поскольку выявленный в качестве преступника иностранный гражданин мог не совершать преступлений на территории города и никак не влиять на его криминогенную обстановку. Но тем не менее эти цифры иллюстрируют тенденцию к усилению в городе концентрации граждан иностранного происхождения, которые преступили закон.

Однако если высчитать долю преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, из общего количества всех зарегистрированных преступлений в Санкт-Петербурге, то цифры не кажутся такими тревожными. В 2013 г. иностранными гражданами и лицами без гражданства в Петербурге совершено 2820 преступлений, в 2014 — 3000 преступлений, в 2015 — 3529 преступлений, в 2016 г. было зафиксировано 3084 преступления. Можно подсчитать условную долю преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства от общей доли всех зарегистрированных преступлений. Реальная доля может быть выше, потому что зарегистрированное преступление не обязательно является расследованным и его фигуранты неизвестны. В 2013 г. доля преступлений, совершенных иностранными гражданами, от общего числа зарегистрированных преступлений — 5 %, в 2014 г. — 5 %, в 2015 — 6 %, в 2016 — 6 %. В городе в течение 2013–2015 гг. уровень преступности возрос в целом, но в 2016 г. наблюдается небольшое понижение его. Это же касается уровня преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства. 6 % преступлений, приходящихся на долю иностранных граждан, не являются ошеломляющим показателем в таком густонаселенном мегаполисе, как Санкт-Петербург, но по сравнению с показателем по России (2 %) может вызывать

определенную тревогу, которая, по мнению экспертов, зачастую приумножается в СМИ.

Необходимо отметить, что существенная часть противоправных деяний в структуре преступности мигрантов связана с подделкой документов. Так, в 2014 г. в Петербурге выявлен 991 иностранец, использовавший заведомо подложный документ, «что составляет 30,4 % от всех выявленных иностранных граждан, совершивших преступления» [Андрейцо С.Ю., 2016, с. 33]. То есть треть мигрантов, нарушивших законодательство, не совершала прямых преступлений против здоровья и имущества граждан Петербурга, но тем не менее нужно учитывать, что нелегальная миграция является существенным фактором риска в контексте общественной безопасности.

Напомним, что при ответе на закрытый вопрос о проблемах, связанных с миграцией, половина опрошенных считают, что среди мигрантов уровень преступности выше, чем среди других групп населения. Субъективное ощущение риска возникновения преступных деяний со стороны мигрантов выражено у петербуржцев достаточно сильно, хотя объективные показатели доли преступников-мигрантов в общей структуре преступности не столь высоки.

Отдельно можно выделить *риск возникновения конфликтной ситуации*, поскольку среди оценок проблем, вызванных миграцией, очень часто в ответах респондентов говорится о том, что мигранты ведут себя вызывающе, агрессивны и т.д. Личный опыт взаимодействия большинства жителей Петербурга с иностранными гражданами нельзя назвать регулярным: за неделю, предшествующую опросу, около 40 % респондентов разговаривали с мигрантами, и только 2 % всех 1015 опрошенных утверждает, что разговор носил конфликтный характер. Тем не менее, почти 20 % опрошенных мужчин призналось, что имели в течение своей жизни конфликт с мигрантами с применением насилия или угрозы насилия.

Часто обозначаемыми в открытых ответах проблемами можно назвать антисанитарию, *риск распространения инфекций*, «резинковые квартиры»: в 20 высказываниях содержались опасения по поводу риска эпидемий, распространения грязи, насекомых и т.д. Если вновь обратиться к анализу личного опыта взаимодействия респондентов с мигрантами, то несоблюдение норм соседского общежития, грязь, шум и антисанитария являются основными причинами беспокойства жителей города, пожелавших высказаться, почему им не нравятся их соседи — иностранные

граждане. Скученное проживание является также серьезной проблемой и по оценке экспертов: мигранты стремятся экономить деньги на арендной плате, живут большими группами в неподобающих санитарных условиях, что приводит к недовольству соседей, а также к проблемам со здоровьем самих мигрантов.

В ответах на открытый вопрос о проблемах, связанных с миграцией, 23 раза встречались высказывания о *неподготовленности российского общества к приему большого миграционных потоков*: респонденты отмечали отсутствие социальных служб и мест для проживания мигрантов, бездействие правоохранительных органов, безответственность работодателей, коррумпированность властей и чиновников, регулирующих миграционную ситуацию, ощущение незащищенности государством интересов коренных жителей, расовая дискриминация приезжих.

Риски экономического неблагополучия отмечаются в 20 высказываниях жителей города. Некоторые респонденты высказали уверенность, что мигранты плохо работают, не платят налоги, живут нелегально, пользуются всеми благами города, в то время как коренное население оплачивает их нужды или просто «вытесняется» с рынка труда. Также отмечались риски снижения качества услуг, демпинг цен в некоторых секторах экономики из-за их занятости мигрантами. Эксперты отмечают, что трудовые мигранты и большинство беженцев не имеют в России права на бесплатные медицинские и социальные услуги. При этом трудовые мигранты вносят существенную лепту в бюджет Российской Федерации, благодаря ежемесячной оплате патентов. Некоторые эксперты полагают, что город не нуждался бы в мигрантах, если бы труд жителей Петербурга имел достойную оплату. Но большинство экспертных мнений сводится к тому, что условия рынка диктуют необходимость присутствия иностранной рабочей силы в городе для развития некоторых отраслей экономики и инфраструктуры.

Напомним, что более 60 % из 1017 опрошенных респондентов согласны с тем, что мигранты отнимают у петербуржцев рабочие места. Убежденность, что иностранные граждане являются угрозой финансовой стабильности населения, на фоне низких доходов жителей города может усилить социальную напряженность в обществе. Поэтому обратимся к оценке финансового положения респондентов.

По данным опроса жители Петербурга следующим образом обозначили свои доходы (относи-

тельно прожиточного минимума, который на душу населения в 2016 г. составил 10 356 руб. [Прожиточный минимум...]: 9,1 % — ниже прожиточного минимума; 19,1 % — соответствует прожиточному минимуму; 28,2 % — немного выше прожиточного минимума; 18,6 % — более, чем в 2 раза выше прожиточного минимума; 14,2 % — более, чем в три раза выше прожиточного минимума; 2 % — более, чем в 10 раз выше прожиточного минимума; 8,8 % — не ответили на вопрос.

Потребительские расходы в среднем на душу населения в месяц в 2016 г. согласно информации Петростата составили около 27 000 руб. [Уровень жизни...]. Таким образом, по данным опроса 56,4 % населения оценили свои доходы ниже, чем средний потребительский расход по городу. Можно сказать, что больше половины респондентов подвержены риску финансового неблагополучия и полагают, что мигранты отнимают у коренного населения рабочие места, что может способствовать усилению социальной напряженности.

В целом основные проблемы, которые видят респонденты в связи с присутствием мигрантов в городе, — это неадаптированность мигрантов (включая нежелание адаптироваться) и угроза безопасности коренных жителей (от бытовой агрессии

до терроризма), также у многих респондентов можно констатировать субъективное неприятие мигрантов из-за угрозы экспансии («их очень много», «насаждают культуру»), ощущение угрозы экономической и социальной нестабильности (страх потери рабочего места, отток финансовых средств из бюджетов на нужды мигрантов, ухудшение доступа к медицинским и образовательным услугам, понижение качества образования), страхов, связанных с распространением инфекций.

На вопрос о том, *нужны ли мигранты сегодня Санкт-Петербургу*, дали ответ 1017 чел. Большинство респондентов ответили положительно (72 %), притом 34,1 % считает, что мигранты нужны, но в меньшем количестве, чем сейчас — их численность в Санкт-Петербурге надо сократить; 30,3 % считают, что нужны только те, кто уже здесь, а увеличивать их численность не следует; 7,5 % полагает, что необходимо, чтобы мигранты продолжали приезжать. 18,8 % респондентов считают, что мигранты в Санкт-Петербурге не нужны, а те, кто приехал, должны уехать. 5,7 % не смогли дать четкий ответ на этот вопрос, а 3,6 % (37 чел.) имели альтернативное (другое относительно предложенных вариантов ответов) мнение (см. рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Нужны ли мигранты сегодня Санкт-Петербургу?» (% от числа ответивших, N = 1017)

Интерпретируя ответы респондентов на вопрос «Нужны ли мигранты сегодня Санкт-Петербургу?» в графе «Другой вариант», можно сделать вывод, что наиболее популярно было высказывание, что въезжать в Петербург должны только те мигранты, которые имеют хорошее образование или являются специалистами в своей сфере. В этом есть неко-

торое противоречие, так как в Петербург в основном приезжают низкоквалифицированные работники. Респондентам было предложено высказать свое мнение по поводу *причин, которыми чаще всего объясняют необходимость привлечения мигрантов в Россию*. Большинство респондентов согласны с тем, что россияне не хотят брать на себя

тяжелую неквалифицированную работу (58,6%), также они согласны, что труд мигрантов дешевле (80,7%), но не согласны с тем, что мигранты работают лучше россиян (69,6%). Большинство согласны, что одной из причин нахождения мигрантов в городе может быть возможность привлекать талантливую молодежь и квалифицированных специалистов (65%).

Большинство респондентов (76,8%) не считает, что мигранты должны привлекаться для компенсации сокращения населения в России. На сегодняшний день привлечение иностранной рабочей силы с целью компенсации убыли экономически активного населения в России является одним из направлений миграционной политики. Данное несоответствие между ожиданиями граждан и планами правительства может увеличивать социальную напряженность, поэтому необходима работа по разъяснению населению позитивных эффектов от пребывания мигрантов на территории Петербурга.

Мнения о том, должны или не должны приезжать мигранты в рамках помощи бывшим советским республикам, которые испытывают сложности, распределились примерно равномерно, однако все-таки немного больше граждан полагают, что им помогать не нужно (53,4%). Эта убежденность половины респондентов, проживающих в Петербурге, на фоне усилившейся эмиграции из Украины может стать предпосылкой для усиления социальной напряженности (по оценкам экспертов, в Петербурге и Ленинградской области насчитывается более 17 тыс. человек, получивших статус временного убежища).

Выводы

В ходе исследования были выделены и описаны основные социальные риски, которые, обретая новую окраску на фоне миграционных процессов, могут усиливать социальную напряженность в обществе. Важно учитывать эти риски при разработке программ миграционной политики Петербурга и мер для снижения социальной напряженности в обществе в целом.

На основании проведенного опроса можно выделить несколько типов социальных рисков для жителей Петербурга (реальных или расцениваемых респондентами как реальные), которые вызваны эффектами миграции и которые влияют на степень социальной напряженности в городе:

– культурологические риски: напряженность, вызванная разностью культур, обычаев, традиций, религии и языка; риск экспансии; деградация системы образования;

– риски безопасности: повышение уровня преступности и риск возникновения конфликтной ситуации;

– риск распространения инфекций и антисанитарии;

– экономические риски: риск финансового неблагополучия, риск понижения качества товаров и услуг.

Риски безопасности и экономические риски достаточно сильно ощущаются петербуржцами на фоне присутствия мигрантов в городе, что при высоком уровне преступности и отсутствии финансовой стабильности может повлечь повышение социальной напряженности. При этом объективный показатель доли преступников-мигрантов в структуре преступности города не высок, а эксперты не отмечают наличия активной конкуренции за рабочие места между жителями города и приезжими на заработки иностранными гражданами.

Большинство петербуржцев взаимодействует с мигрантами нечасто и нерегулярно, однако риск конфликтной ситуации в субъективном восприятии граждан достаточно высок, а на практике каждый пятый опрошенный мужчина вступал в конфликт с иностранным гражданином, с угрозой насилия или с его применением. Почти 90% опрошенных респондентов согласились с тем, что некоторые мигранты агрессивны и пренебрегают общепринятыми нормами. Во многом конфликтные ситуации могут быть обусловлены неприятием моделей поведения мигрантов, т.е. из-за культурных различий. При этом к участию в конфликтах склонны преимущественно молодые люди (18–29 лет).

Культурологические риски являются самыми существенными для жителей Петербурга, меры их регулирования должны стать предметом научной дискуссии и требуют всестороннего осмысления на уровне социальной политики города. Особенно это важно на фоне ощущения жителями риска экспансии — как в культуре (неприятие масштабного распространения чужой религии, чужого языка и традиций), так и в социальной и экономической сфере (осложнение доступа к медицинским и образовательным услугам). Частично некоторые риски мифологизированы, однако проблема неадаптированности мигрантов к нормам жизни в городской среде, различий в так называемых культурных кодах остается основным лейтмотивом в негативном отношении жителей города к приезжим из зарубежных стран. Незнание языка, грубость, хамство, громкие разговоры, шум, некорректное поведение в той или иной ситуации достаточно сильно раздражают

петербуржцев. Хотя большинство жителей Санкт-Петербурга осознают необходимость нахождения мигрантов в городе, однако большое количество приезжих беспокоит граждан. Более того, пятая часть опрошенных считает, что мигранты городу не нужны вовсе. Но если речь заходит о квалифицированных специалистах, то к ним отношение петербуржцев достаточно позитивное. Здесь присутствует некоторое противоречие, поскольку в город приезжают в основном работники, занимающие неквалифицированные ниши труда.

Эксперты отмечают отсутствие четко сформулированной концепции миграционной политики города; необходимо определить, какие мигранты, в каком количестве и для выполнения каких работ будут наиболее полезны городу. Формирование ясной миграционной политики в Санкт-Петербурге, по мнению экспертов, является отправной точкой для начала работы по информированию населения, для стабилизации отношений между принимающим сообществом и прибывающими иностранными гражданами. Особое внимание следует уделить работе с молодежью, чаще всего конфликты случаются именно между молодыми представителями разных культур.

Отношение принимающего общества к мигрантам является одним из важных индикаторов измерения социальной напряженности в социуме. В условиях турбулентности, неравномерного распределения благ и дефицита ресурсов общество может воспринимать чужаков враждебно, видя в них дополнительную угрозу своей стабильности, а может быть, даже причину этой нестабильности. С другой стороны, специалисты отмечают, что можно целенаправленно влиять на уровень ксенофобии в массах. Эксперты подчеркивают, что при выборе государством политики использования низкоквалифицированного труда иностранных граждан крайне важно информировать россиян о роли трудовых мигрантов в экономике города, о позитивных эффектах международной миграции. Для улучшения отношений между мигрантами и коренными жителями города необходимо работать над подготовленностью инфраструктуры к приему больших миграционных потоков, устранять «резинные квартиры», информировать работодателей и пресекать случаи нелегального трудоустройства мигрантов, решить вопрос о доступе их к медицинским и социальным услугам, а детей мигрантов — к образовательным услугам.

Список литературы

Андрейцо С.Ю. О мерах по предупреждению преступлений со стороны иностранных граждан, а

также в отношении них в Санкт-Петербурге // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3(71). С. 33–37.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. 384 с.

Бородкин Ф.М., Володина Н.П. Социальная напряженность и агрессия // Мир России. 1997. № 4. С. 107–150.

Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 142–147.

Дементьева И.Н. Потенциал протеста населения как угроза национальной безопасности территории // Мониторинг общественного мнения. 2015. № 1(125). С. 109–117.

Дмитриев А.В. О социальной дезинтеграции и конфликте // Социологические исследования. 1992. № 10. С. 3–9.

Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр. с сокр.; под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.

Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: учеб. пособие для студентов вузов. 3-е изд. доп и перераб. М.: Аспект-Пресс, 1996. 317 с.

Здравомыслов А.Г. Фундаментальные проблемы социологии конфликта и динамика массового сознания // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 12–21.

Козер Л. Функции социальных конфликтов. М.: Идея-Пресс: Дом интеллект. книги, 2000. 205 с.

Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (13 июня 2012 года) / Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15635> (дата обращения: 01.03.2017).

Котов Д.А. Социальная напряженность «благополучного класса» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 1(21). С. 211–225.

Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории): сб. ст. / под ред. Б.С. Никифорова. М.: Прогресс, 1966. С. 299–313.

Общие итоги миграции населения по субъектам Российской Федерации за 2016 год / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_107/Main.htm (дата обращения: 13.09.2017).

Портал правовой статистики / Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 13.09.2017).

Прожиточный минимум / Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. URL: <http://gov.spb.ru/helper/social/prozhitochnyj-minimum/> (дата обращения: 01.03.2017).

Рукавишников О.В. Социальная динамика и политический конфликт в России: весна 1993 года — адаптация к кризису // Социологические исследования. 1993. № 9. С. 28–42.

Социально-экономическое положение федеральных округов – 2016 г. / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_20/Main.htm (дата обращения: 13.09.2017).

Статистические сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации за 12 месяцев 2016 года с распределением и регионам / Министерство Внутренних дел РФ. URL: <https://мвд.рф/Dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/9359228/> (дата обращения: 13.09.2017).

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (13 мая 2009 года) / Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/424> (дата обращения: 29.05.2017).

Терский М.В. Системный подход к исследованию экономических рисков: учеб. пособие / под ред. Л.И. Александровой / Сайт цифровых учебно-методических материалов ВГУЭС. 2000. URL: http://abc.vvsu.ru/books/sistem_p/page0001.asp (дата обращения: 01.11.2016).

Уровень жизни / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. URL: http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat.ru/statistics/Sant_Petersburg/standards_of_life/ (дата обращения: 01.03.2017).

Яницкий О.Н. Модернизация в России в свете концепции «общества риска» // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии: матер. Междунар. симпозиума / под ред. Т. Заславской. М., 1997. С. 37–48. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/655/679/1219/007Yanitskij.pdf> (дата обращения: 01.11.2016).

Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 1. С. 3–35. URL: http://riskprom.ru/TemaKtlg/RiskSociety/janickij_sociologija_riska_2003.pdf (дата обращения: 01.11.2016).

Beck U. Risk Society. Towards a New Modernity. L., 1992. 272 p.

Giddens A. Pierson C. Conversation with Anthony Giddens. Making Sense of Modernity. Stanford: Stanford University Press, 1998. 244 p.

Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. N.Y., 1993. 249 p.

Parsons T. The Structure of Social Action. N.Y., 1937. 480 p.

Получено 07.12.2017

References

Andrejco S.Ju. (2016). O *merakh po preduprezhdeniyu prestupleniy so storony inostrannykh grazhdan, a takzhe v otnoshenii nih v Sankt-Peterburge* [On measures to prevent crimes by foreign citizens, and also against them in St. Petersburg]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. No. 3(71), pp. 33–37. (In Russian).

Beck U. (1992). *Risk Society. Towards a New Modernity*. London, 272 p. (In English).

Bek U. (2000). *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society. On the way to another modernity]. Moscow, 384 p. (In Russian).

Borodkin F.M., Volodina N.P. (1997). *Sotsial'naya napryazhennost' i agressiya* [Social tension and aggression]. *Mir Rossii* [World of Russia]. No. 4, pp. 107–150. (In Russian).

Darendorf R. (1994). *Elementy teorii sotsial'nogo konflikta* [Darendorf, Elements of the Theory of Social Conflict]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5, pp. 142–147. (In Russian).

Dement'eva I.N. (2015). *Potencial protesta naseleeniya kak ugroza natsional'noy bezopasnosti territorii* [Population protest potential as a threat to the national security of the territory]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya* [Monitoring of public opinion]. No. 1(125), pp. 109–117. (In Russian).

Durkheim E. (1994). *Samoubiystvo: Sotsiologicheskiy etyud* [Suicide: Sociological Study]. Moscow, Mysl' Publ., 399 p. (In Russian).

Dmitriev A.V. (1992). *O sotsial'noy dezintegratsii i konflikte* [On Social Disintegration and Conflict]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10, pp. 3–9. (In Russian).

Giddens A. Pierson C. (1998). *Conversation with Anthony Giddens. Making Sense of Modernity*. Stanford, Stanford University Press, 244 p. (In English).

Kontsepciya gosudarstvennoy migracionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda (13/06/2012). [The concept of the state migration policy of the Russian Federation for the period until 2025 (June 13, 2012)]. *Ofitsial'nye setevye resursy Prezidenta Rossii* [Official network resources of the President of Russia]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/15635> (accessed 01.03.2017). (In Russian).

Kozer L. (2000). *Funktsii sotsial'nykh konfliktov* [Functions of social conflicts]. Moscow, Ideja-Press Publ., Dom intellekt.knigi Publ., 205 p. (In Russian).

Kotov D.A. (2013). *Sotsial'naya napryazhennost' «blagopoluchnogo klassa»* [Social tension of the «prosperous class»]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bul-

letin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science]. No. 1(21), pp. 211–225. (In Russian).

Luhmann N. (1993). *Risk: A Sociological Theory*. New York, 249 p. (In English).

Merton R. (1966). *Sotsial'naya struktura i anomiya*. [Social structure and anomie.]. *Sotsiologiya prestupnosti (Sovremennye burzhuaznye teorii): Sbornik statey pod red. B.S. Nikiforova* [Sociology of crime (Modern bourgeois theories): Collection of articles, ed. B.S. Nikiforov]. Moscow, Progress Publ., pp. 299–313. (In Russian).

Obshchie itogi migratsii naseleniya po sub'ektam Rossiyskoy Federatsii za 2016 god [General results of migration of population by constituent entities of the Russian Federation for 2016]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* [Federal Service of State Statistics]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_107/Main.htm (accessed 13.09.2017). (In Russian).

Parsons T. (1937). *The Structure of Social Action*. New York, 480 p. (In English).

Portal pravovoy statistiki [Portal of legal statistics]. *General'naya prokuratura Rossiyskoy Federatsii* [General Prosecutor's Office of the Russian Federation]. Available at: <http://crimestat.ru> (accessed: 13.09.2017). (In Russian).

Prozhitochnyy minimum [Subsistence minimum]. *Ofitsial'ny sayt Administratsii Sankt-Peterburga* [Official site of the Administration of St. Petersburg]. Available at: <http://gov.spb.ru/helper/social/prozhitochnyj-minimum/> (accessed 01.03.2017) (In Russian).

Rukavishnikov O.V. (1993). *Sotsial'naya dinamika i politicheskii konflikt v Rossii: vesna 1993 goda — adaptatsiya k krizisu* [Social Dynamics and Political Conflict in Russia: Spring 1993 — Adaptation to the Crisis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9, pp. 28–42. (In Russian).

Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie federal'nykh okrugov — 2016 [Social and economic situation of the federal districts — 2016]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* [Federal Service of State Statistics]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_20/Main.htm (accessed 13.09.2017). (In Russian).

Statisticheskie svedeniya po migratsionnoy situatsii v Rossiyskoy Federatsii za 12 mesyatshev 2016 goda s raspredeleniem i regionam [Statistical information on the migration situation in the Russian Federation for 12 months of 2016 with distribution and regions]. *Ministerstvo Vnutrennikh del RF* [Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. Available at: <https://mvd.rf/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/9359228/> (accessed 13.09.2017). (In Russian).

Strategiya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda (13/05/2009) [The National Security Strategy of the Russian Federation until 2020 (May 13, 2009)]. *Ofitsial'nye setevye resursy Prezidenta Rossii* [Official network resources of the President of

Russia]. Available at: <http://kremlin.ru/supplement/424> (accessed 29.05.2017). (In Russian).

Terskiy M.V. (2000). *Sistemnyy podkhod k issledovaniyu ekonomicheskikh riskov* [A systematic approach to the study of economic risks]. *Sayt tsifrovyyh uchebno-metodicheskikh materialov VGUES* [The website of digital educational and methodological materials VSUES]. Available at: http://abc.vvsu.ru/books/sistem_p/page0001.asp (accessed 01.11.2016). (In Russian).

Uroven' zhizni [Standard of living]. *Territorial'nyy organ Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Sankt-Peterburgu i Leningradskoy oblasti* [Territorial organ of the Federal State Statistics Service for St. Petersburg and the Leningrad Region]. Available at: http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/ru/statistics/Sant_Petersburg/standards_of_life/ (accessed 01.03.2017) (In Russian).

Yanitskiy O.N. (1997). *Modernizatsiya v Rossii v svete kontseptsii «obshchestva riska»* [Modernization in Russia in the light of the concept of a «risk society»]. *Kuda idet Rossiya? Obshchee i osobennoe v sovremennoy razviti: Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma pod red. T. Zaslavskoy* [Where is Russia going? General and special in modern development: Proceedings of the International Symposium, ed. T. Zaslavskaya]. Moscow, pp. 37–48. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/655/679/1219/007Yanitskiy.pdf> (accessed 01.11.2016). (In Russian).

Yanitskiy O.N. (2003). *Sotsiologiya riska: klyuchevye idei* [Sociology of risk: key ideas]. *Mir Rossii* [The world of Russia]. No. 1, pp. 3–35. Available at: http://riskprom.ru/TemaKtlg/RiskSociety/janickij_sociologija_riska_2003.pdf (accessed 01.11.2016). (In Russian).

Zdravomyslov A.G. (1993). *Fundamental'nye problemy sotsiologii konflikta i dinamika massovogo soznaniya* [Fundamental problems of the sociology of conflict and the dynamics of mass consciousness]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8, pp. 12–21. (In Russian).

Zdravomyslov A.G. (1996). *Sotsiologiya konflikta* [Sociology of Conflict]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 317 p. (In Russian).

Received 07.12.2017

Об авторах

Романенко Вероника Валерьевна

кандидат социологических наук,
исследователь проекта «Социальные
риски международной молодежной миграции
в современной России»

Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: nikar@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0671-1076

Бородкина Ольга Ивановна

доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры теории и практики
социальной работы

Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: o.borodkina@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0936-5757

About the authors

Veronika V. Romanenko

Ph.D. in Sociology,
Head of the Department UNESCO

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;
e-mail: nikar@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0671-1076

Olga I. Borodkina

Doctor of Sociology, Docent,
Professor of the Department of Theory and Practice
of Social Work

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;
e-mail: o.borodkina@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0936-5757

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Романенко В.В., Бородкина О.И. Социальная напряженность и социальные риски в контексте международной трудовой миграции // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 1. С. 109–124. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-109-124

For citation:

Romanenko V.V., Borodkina O.I. Social tension and social risks in the context of international labor migration // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 1. P. 109–124.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-109-124